

Однако, как оказалось, между главарём бандитов и госпожой Хэ существовала какая-то старая вражда, и если бы кто-то намеренно использовал её слова, положение госпожи Хэ могло бы стать весьма шатким.

Как и предполагал Сян Юань, когда они с трудом добрались до Тунпина, госпожу Хэ встретили не только взволнованный генерал Хэ, но и его мать, которая наконец-то нашла повод разлучить её с сыном. Но это уже другая история.

Во время дальнейшего пути Сян Юань и его спутники стали свидетелями настоящей мыльной оперы из жизни знатной семьи, сюжет которой был полон неожиданных поворотов и интриг, заставляя их следить за происходящим, не отрывая глаз.

И вот этот сериал начался.

В обозе госпожи Хэ, помимо её собственной повозки, находились ещё две: в одной ехала её золовка, Хэ Ваньцин, вернувшаяся домой после замужества, а в другой — её подруга, Нин Хуаньсюэ, разведённая и вернувшаяся в родительский дом. О том, что Нин Хуаньсюэ разведена, узнали благодаря болтливости Хэ Ваньцин, которая при каждом удобном случае набрасывалась на госпожу Хэ с упрёками, обвиняя её в том, что та навлекла на них беду. Их взаимоотношения могли бы стать основой для популярного романа.

В этот момент Сян Юань, сидя в повозке, наблюдал, как Чжао Шэнь снаружи готовит еду, когда со стороны госпожи Хэ снова раздались крики.

— Невестка, что это значит? Из-за тебя мой Сун потерял кормилицу, и теперь он ест еду Минь. Разве это неправильно? Если бы ты не нарушала правила приличия, не привлекла бы бандитов, мы бы не оказались в такой ситуации!

Хэ Ваньцин, держа за руку Суня, стояла перед госпожой Хэ, изображая гнев и печаль.

Нин Хуаньсюэ, опираясь на руку своей единственной оставшейся служанки, подошла к Хэ Ваньцин, прикрыв рот платком, и, кашлянув, слабым голосом сказала:

— Ваньцин, когда ты изменишь свой характер? Хуэйнян — твоя невестка, ты не можешь с ней так разговаривать! Кроме того, Минь старше Суня, он не станет отбирать у него еду. Ты так торопишься, что создаётся впечатление, будто Хуэйнян намеренно обделяет вас.

Её слова, казалось бы мягкие, но полные скрытых уколов, заставили кормилицу госпожи Хэ, маму Ци, покраснеть от гнева. Но она не могла выплеснуть эмоции на постороннюю Нин Хуаньсюэ, поэтому обратилась к Хэ Ваньцин:

— Госпожа, маленький господин Минь, напуганный, всё ещё температурит, и после еды его сразу рвёт. Госпожа всю ночь не спала, ухаживая за ним, кормила его после каждого приступа.

Легко усваиваемого проса осталось так мало, что маленький господин Минь может есть только это. Это не потому, что госпожа не хочет дать вам, просто маленький господин Сунь ест нормально, поэтому не стали отправлять просо вам.

— На вид всё в порядке, но кто знает, что внутри? Мой Сунь с детства был послушным, никогда не доставлял хлопот взрослым. Сейчас он ест и спит, но кто может гарантировать, что с ним всё будет хорошо? Если в будущем что-то случится, кому я буду жаловаться? Всего лишь немного проса, и ты уже так хитришь, считаешь ли ты меня семьёй?

Хэ Ваньцин не уступала, делая вид, что не замечает, как госпожа Хэ, измученная, держит на руках маленького Минь. Её язвительный взгляд был прикован к госпоже Хэ, не уделяя внимания племяннику.

Госпожа Хэ осторожно уложила сына, которого наконец удалось убаюкать, и, повернувшись к Хэ Ваньцин, спокойно, но резко сказала:

— А ты? С момента происшествия спросила ли ты хоть раз, как поживает Минь?

Хэ Ваньцин запнулась, и её лицо изменилось.

— Хуэйнян, не сердись, все мы в шоке, и у Ваньцин есть свои дети, о которых нужно заботиться. Хотя она не спрашивала тебя лично, она несколько раз говорила со мной и очень переживала за маленького Минь.

Госпожа Хэ усмехнулась, скользнув взглядом по хрупкой Нин Хуаньсюэ, стоящей рядом, и спокойно сказала:

— Ваньцин, я устала. Если тебе нечего сказать, возвращайся в повозку. После еды мы ускоримся, чтобы добраться до Тунпина без остановок.

Нин Хуаньсюэ, которую намеренно проигнорировали, впервые за несколько лет снова почувствовала презрение госпожи Хэ, словно она была сорняком у дороги, недостойным внимания. Гнев и зависть, дремавшие в её груди, чуть не вырвались наружу, но она сдержалась.

— Ваньцин, видимо, я здесь лишняя, я вернусь в повозку.

Хэ Ваньцин схватила Нин Хуаньсюэ за руку и, не сдерживаясь, выпалила:

— Сестра Сюэ, не бойся её! Если бы она не вмешалась, ты и мой брат давно были бы вместе! Она нарушила правила приличия, привлекла бандитов и навлекла на нас такое бедствие. Моя мать больше не будет её терпеть! Увидишь, через несколько дней после возвращения мой брат разведётся с ней, а ты, разведённая, сможешь снова быть с ним. Это явно знак свыше, чтобы

вы возобновили отношения.

Услышав, как Хэ Ваньцин снова выболтала о её разводе, Нин Хуаньсюэ едва сдержала раздражение. Но, услышав последующие слова, с трудом подавила усмешку.

Ладно, раз Хэ Ваньцин так полезна, можно потерпеть её ещё раз.

Нин Хуаньсюэ, слегка нахмутив тонко подведённые брови, мягко отчитала Хэ Ваньцин и, опираясь на служанку, вернулась в повозку.

Хэ Ваньцин, увидев, что госпожа Хэ остаётся спокойной и даже не достаивает её взглядом, почувствовала, что её слова, сказанные в порыве гнева, вызвали у неё лишь чувство вины, которое тут же сменилось яростью. Она злобно посмотрела на верную маму Ци, стоящую перед госпожой Хэ, и, схватив Суня, быстро вернулась в повозку.

Насладившись этим спектаклем, Сян Юань и Чжао Шэнь закончили трапезу. Чжао Шэнь убрал всё и, налив чашку сладкой воды, подал её Сян Юаню, не удержавшись от комментария:

— Золовка госпожи Хэ ведёт себя просто ужасно!

Сян Юань, с гримасой приняв чашку, отпил несколько глотков.

— Судя по всему, госпоже Хэ предстоит тяжёлая битва после возвращения! Дорогая, а можно не пить эту сладкую воду?

— Нет, я слышал от лекаря, что после ранений полезно пить сладкую воду.

Не сумев возразить, Сян Юань с недовольным лицом допил оставшуюся воду.

— Однако мне кажется, что мальчик Сунь выглядит немного странно.

Сян Юань задумался.

— Возможно, он просто по натуре спокойный, ест, спит и играет, не доставляя хлопот.

Чжао Шэнь нахмурился, вспомнив, как мальчик с большими глазами с любопытством оглядывался вокруг. Действительно, он не выглядел больным. Возможно, Сян Цунцзы прав, и он просто по натуре спокойный.

А в это время Сунь, о котором они говорили, сидел рядом с Хэ Ваньцин, держа в руках кусок слоёного пирога и пачкаясь крошками.

Хэ Ваньцин с отвращением посмотрела на него и отвела взгляд.

Внезапно в её ушах прозвучали резкие слова второй жены: «Он просто дурак!»

Хэ Ваньцин сжала кулаки, и в её сердце разгорелся гнев. В этот момент Сунь, закончив есть пирог, потянулся за чашкой воды и случайно опрокинул чайник. Не слишком горячая вода пролилась на Хэ Ваньцин.

— Ты, негодник!

Хэ Ваньцин не сдержалась и ударила Суня по лицу.

— Что ты там копаешься!

Служанка, находившаяся в повозке, с жалостью обняла Суня. Видя, что он молчит и не плачет, она с грустью промолчала, лишь сказала:

— Госпожа, успокойтесь, не травмируйте руку.

Хэ Ваньцин, тяжело дыша, исказила своё изысканное лицо.

— Если бы не этот негодник, мне не пришлось бы унижаться в этом доме! Смешно, что вторая жена считает меня слабой и ждёт, чтобы унижать меня!

— Ох, госпожа, тише! Мы вернулись с несколькими людьми оттуда!

Служанка, нежно глядя щёку Суня, старалась не привлекать внимания, боясь, что Хэ Ваньцин снова разозлится.

— Чего бояться? Бандиты, которых навлекла невестка, помогли мне избавиться от большинства их людей. Когда вернёмся в Тунпин, я найду способ избавиться от остальных и скажу, что их убили бандиты. Они не посмеют возражать.

<http://bllate.org/book/15532/1381094>